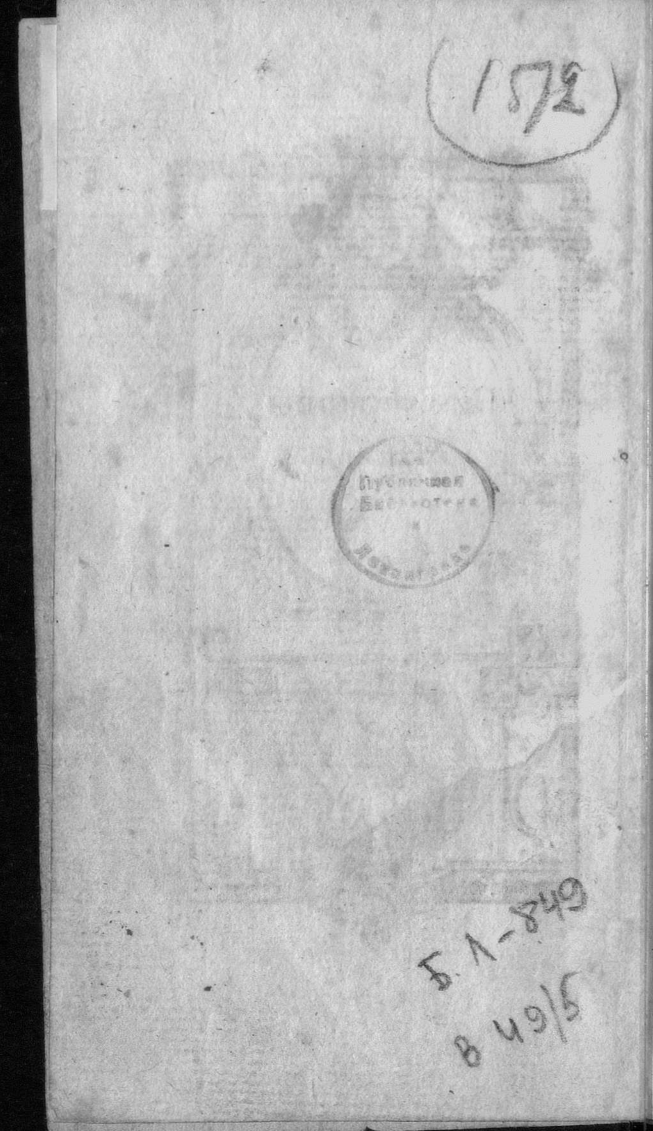


ина

ь жур-
сер.

ать не
ль.


Пиѳагоровы
Ученицы.
1797
ВЪ С. Петербургѣ


1572
Публичная
Библиотека
Б 1-849
849/5

ПИѲАГОРОВЫ УЧЕНИЦЫ.

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ
Г. *ВИЛАНДА.*

ПереводЪ съ Нѣмецкаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ Типографіи Г. Медицинской
Коллегіи 1797 года.

Съ дозволенія
установленной Цензуры
въ Санктпетербургѣ.

ЕЯ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

АВДОТЬѢ ИЛЬИНИШНѢ

ГОЛЕНИЩЕВОЙ КУТУЗОВОЙ,

Ордена Святыя Екатерины

Кавалерственной Дамѣ,

Милостивой Государынѣ.

Въ изъявленіе искренней

благодарности,

съ

истиннымъ почитаніемъ

подноситъ

Яковъ Дружининъ.

4 го Августа
1797 года.



I.

Пиѳагоръ принадлежитъ къ малому числу тѣхъ почтенныхъ мужей древности, которыхъ имена, какъ то: Гермеса, Орфея, Зороастра, Конфуція и пр. едва ли не извѣстны самымъ малознающимъ людямъ; имена, кои

носясь величественно надъ быстрымъ полетомъ времени, истребляющаго съ лица земли память цѣлыхъ миріадъ ея обитателей, и всегда на одинакой высотѣ славы пребывая, подобно неразрушимымъ пирамидамъ древняго Египта, вливаютъ священный трепетъ въ души удивляющихся имъ зрителей; хотя съ давныхъ временъ престали приносить какую либо общественную пользу, и изящная мудрость, вознесшая ихъ на степень то-

лико постоянныя и всеобщія славы, содѣлалась для самыхъ ученѣйшихъ и остроумнѣйшихъ новѣйшихъ любомудровъ — темнымъ иносказаніемъ.

Хотя въ такомъ случаѣ, приписываютъ многое извѣстному свойству *времени* — увеличивать нѣкоторые предмѣты въ воображеніи нашемъ, по мѣрѣ ихъ отъ глазъ нашихъ отдаленія — однако неоспоримо останется, что слава, сопровождающая болѣе двухъ тысячь лѣтъ имя такого

мужа, послѣ коего почти ничего не сохранено, что могло бы ослѣпить насъ, предполагаетъ важность характера, необыкновенное заслугъ величіе, и сильное вліяніе на свой и послѣдующіе вѣки.

Справедливость сего наипаче утверждать можно примѣромъ Пиѳагора; хотя немного осталось знаменитыхъ въ древности мужей, коихъ исторія была бы подвержена большимъ сумнѣніямъ, и толико обезображена преданіемъ и

народными баснями, а въ позния времена искажена умышленнымъ пріобщеніемъ множества ложныхъ дополненій и чудесъ, сколько пострадала отъ того жизнь сего великаго мужа.

Въ семъ случаѣ Пиѳагоръ имѣетъ равный жребій со многими чрезвычайными мужами, жившими прежде и послѣ его: желая содѣлать его орудіемъ намѣреній, коихъ онъ никогда не имѣлъ, *превратили* его въ столь чудесное, таинственное и двузнамена-

тельное существо, что за неимѣніемъ достаточныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ, почти не возможно сказать, кто онъ былъ.

За вѣрное принять можно, что онъ болѣе сорока лѣтъ представлялъ важное лице въ нижней части Италіи, называемой Греками *великою Элладою*, и былъ основателемъ училища умозрительной и дѣятельной мудрости, или лучше сказать, основателемъ знаменитаго *тайнаго сообщества*, рас-

пространившагося по всѣмъ республикамъ прекрасной сей страны, и невзирая на кратковременность, оставившаго благодѣтельные слѣды существованія своего въ Италіи и Греціи, спустя цѣлыя столѣтія послѣ своего разрушенія.

2.

Сіе сообщество, душею коего былъ Пиѳагоръ, стремилось не къ меньшей цѣли, какъ къ произведенію нравственной и политической перемѣны или *перерожденія*, по большой части тогда уже весьма развратившихся республикъ: а къ надежнѣйшему достиженію великаго сего предмѣта, здѣлало оно начало самимъ собою, стараясь пріобрѣсть вы-

сочайшее нравственное совершенство, для котораго природа человѣческая кажется способна.

Чтобы дать понятіе о семъ *первомъ* Пиѳагоровомъ сообществѣ или толкѣ, и о вліяніи онаго на вольные города великой Греціи; не можно кажется найти лучшаго основанія, какъ сіе: что въ то время, когда оное потеряло уже вовсе первоначальной видъ свой, возникъ изъ пепла его столь истинно великій мужъ, каковъ былъ *Архитъ*

Тарентскій: и что достигшій высочайшаго степени въ наукѣ градоправленія и войны, и по справедливости самый *добродѣтельный и совершеннѣйшій* человѣкъ, коимъ Греція хвалиться можетъ, Епаминондъ, образованъ ученикомъ Пиѳагоровымъ, *Лизисомъ Тарентскимъ*.

Самое баснословное то сказаніе, которое начало свое возъимѣло въ позднія уже времена и содѣлалось общенароднымъ мнѣніемъ, будтобы нѣкоторые зна-

менитые законодатели, *Селевкъ* Локрійскій, *Харандъ* Катанскій и даже Римскій Царь *Нума*, почерпнули премудрость, пріобрѣтшую именамъ ихъ безсмертіе, изъ ученія (гораздо послѣ ихъ смерти жившаго) Пиѳагора; самое сіе преданіе подтверждаетъ истинну моего мнѣнія о сильномъ вліяніи Пиѳагорова толка на современныхъ оному Грековъ; ибо по весьма справедливому замѣчанію *Цицерона*, доказываетъ оно, сколь важну надлежало

бышь имени Пиѳагореянъ, и славѣ ихъ заведенія въ Ишаліи, когда позднѣйшихъ временъ Римляне, возъимѣвшіе изъ повѣствованій своихъ праошцевъ высокое поняшіе о премудросши и добродѣшеляхъ Царя ихъ Нумы, по невѣденію лѣшочисленія, не могли думашь, чшобы мужъ превосходившій мудросшію всѣхъ своихъ современниковъ, не былъ ученикъ Пиѳагора.

3.

Пиөагоръ былъ первый изъ Грековъ народный учитель чистоты нравовъ; и наставленіямъ его приписываютъ такія дѣйствія, какими ни одинъ изъ новѣйшихъ похвалиться не можетъ. Когда онъ пришелъ въ *Кротону* 1), говоритъ

1) Кротонъ или Кротo (нынѣ Котеона небольшой городокъ въ верхней Калабріи) былъ тогда изъ числа величайшихъ, благолѣпнѣйшихъ и самыхъ многолюдныхъ го-

Юстинъ 2), то нашелЪ жителей утопающихЪ вЪ ро-

родовъ Италїи. Наиболѣе выхваляли для здоровья весьма выгодное положенїе онаго, цѣлебный воздухъ (что подало поводъ къ пословицѣ: здоровѣе Кротона), и преимущества жителей его въ тѣлесной силѣ и искуствѣ въ гимнастическихъ упражненїяхъ. Не многїе города могли похвалиться столькими побѣдителями на всенародныхъ борьбахъ во время Олимпїйскихъ игръ и проч.; и потому вошло въ привычку говорить (только вѣроятно въ самомъ Кротонѣ): Послѣднїй изъ Кротонцевъ всегда будетъ первымъ между прочими Греками.

2) Въ IV й главѣ 20 й книгѣ его выписокъ изъ большаго историческаго творенїя Трога Помпея, жившаго во времена Цесаря Августа. Пор-

коши, нѣгѣ и сладостра-стiи. — Обыкновенный человѣкъ, со всѣмъ возможнымъ краснорѣчiемъ, долгое время тщетно бы выхвалялъ такимъ людямъ умѣренность и воздержанiе; но Пиѳагоръ, коему сверхъ истинной мудрости и всѣхъ прочихъ дарованiй, спомо-

фирiй въ своемъ Романѣ о Пиѳагорѣ ссылается въ семъ невѣроятномъ почти исправленiи нравовъ Кротонскихъ обитателей на свидѣтельсто Дикеарха Месинскаго, знаменитаго писателя Аристотелевой школы, коего Цицеронъ называетъ любезнымъ своимъ Авторомъ. Delicias ſuas.

ществовала еще рѣдкая красота и величество вида, умѣлъ открыть себѣ путь въ сердца его слушателей; не ужасаясь никакихъ трудностей, успѣлъ онъ напослѣдокъ произвесть столь великое и всеобщее нравственное превращенiе въ семъ богатомъ и роскошномъ городѣ, что „не можно было вообразить, чтобы новые сiи Кротонцы могли когда-либо быть тѣми сластолюбцами, каками они подлинно до того были.„ — Учитель мудро-

сти облегчилЪ трудЪ свой не мало вЪ семЪ знаменитомЪ подвигѣ, обратившЪ попеченіе свое *особенно* на исправленіе юношей и дѣвЪ, и столь сильно вкоренилЪ вЪ сердца ихЪ добродѣтели и должности обѣимЪ поламЪ *приличныя*, что возбудилЪ между ими истинное соревнованіе кЪ исполненію оныхЪ. Юноши содѣлались образцами благонравія, прилѣжа сЪ неслыханнымЪ вЪ Кротонѣ раченіемЪ кЪ Философіи и изящнымЪ наукамЪ: а мо-

лодыя жены (повѣряшѣ ли доброму Трогу?)„ снесли всѣ злашошканныя свои одежды, драгоцѣнные камни, ожерелья и пр. во храмѣ Юноны, и посвяшили ихѣ сей богинѣ, яко жершву семейсшвенныхѣ добродѣшелей; признавшись, что не свѣшлыя одежды, но цѣломудріе, непорочносшь и смиреніе сосшавляюшѣ исшинное украшеніе ихѣ пола.„

Есшьли мы по справедливосши не сшанемѣ приписывашь силѣ Пиѳагорова разума, надѣ душами Кро-

тонцевъ, всеобщаго того дѣйствія, какое придаютъ оному слова Юстина; естьли мы согласимся, что благородныя дѣвы и жены, коихъ склонилъ онъ подать столь изящной примѣръ своимъ согражданкамъ, составляли можетъ быть малѣйшую часть прекраснаго пола въ Кротонѣ; то и тогда еще сіе сказаніе останется славнымъ памятникомъ власти, какую имѣетъ мудрость надъ кроткими душами нѣжнѣйшей половины человѣческаго рода;

и хотя бытописаніе представляетъ нѣсколько подобныхъ, но весьма мало такихъ примѣровъ торжества женской добродѣтели, которые бы превосходили упоминаемой нами.

4.

Итакъ Пиѳагоръ имѣлъ и учениць; а между оными такихъ, которыя допускаемы были въ сокровенное его училище: о сихъ то древніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ упоминаютъ подъ названіемъ *Пиѳагореянокъ*, въ ограниченномъ смыслѣ сего слова. Я незнаю, важна ли для насъ потеря списка *Героинъ* или *Пиѳагоровыхъ Учениць*, сочиненнаго

Аѳинскимъ Историкомъ *Филохоромъ*: маловажна, естьли ограничивался оный однимъ исчисленіемъ именъ; но достойна сожалѣнія, когда (какъ то изъ названія *Героинъ*, ожидать должно) заключалъ въ себѣ черты и сказанія обѣихъ жизни, которыя оправдываютъ величественное сіе названіе. *Ямблихій*, вторый романическій жизнеописатель Пиѳагора, насчитывающій пятнадцать Философокъ изъ училища сего мудреца, упоминаетъ только объ одной

по имени *Тимихіи*, оставившей по себѣ такую Героическую память: но вся повѣсть его чрезъ мѣру походитъ на худосплетенную басню, которая едва ли можетъ заслужить вѣроятіе и въ устахъ гораздо достовѣрнѣйшаго писателя.

Но дабы не впасть мнѣ въ подозрѣніе у моихъ читательницъ, что я хочу безъ достаточной причины лишить полъ ихъ славной *Героини* — перескажу имъ сію повѣсть, по словамъ его изъ 31й главы жизни

Пиѳагора. — ,,Діонисій Тиранъ Сиракускій, говоритъ онъ, вздумалъ когда то подстеречь нѣсколькихъ посвященныхъ въ Пиѳагоровы таинства особъ, имѣвшихъ обыкновеніе въ извѣстное время путешествовать изъ Тарента въ Метапонтъ, и напавши на нихъ съ превосходнымъ числомъ Сиракузянъ, насильнымъ образомъ утащить невинныхъ сихъ людей. Зять его *Евримен* не постыдился быть орудіемъ въ семъ зломъ его пред-

пріятіи. Онъ засѣлъ съ тридцатью вооруженными воинами на дорогѣ, которую Пиѳагореанамъ необходимо проходить надлежало; и когда оные, числомъ около десяти, не подозрѣвая ничего, шли въ совершенной безопасности, напалъ на нихъ внезапно съ великимъ крикомъ. Добродушные сіи люди, хотя были безоружны, защищались нѣсколько времени противу тѣхъ тридцати воиновъ съ приличною Пиѳагорцамъ неустрашимо-

стію; но напослѣдокъ примѣтивъ, что бой сей чрезъ мѣру неровенъ, почли *бѣгство непредосудительнымъ добродѣтели*; ибо говоритъ мудрый нашъ Ямблихій, здравый разсудокъ учитъ, что храбрость состоитъ въ точномъ познаніи, когда и гдѣ силѣ уступать или противиться должно. Они бы щастливо спасли себя симъ средствомъ, будучи легче своихъ непріятелей, отягченныхъ оружіемъ, естьли бы на пути своемъ не встрѣтили про-

страннаго *поля*, *усѣяннаго бобами*, которые уже всѣ покрыты были плодомъ. А какъ Пиѳагорово ученіе запрещало имъ не только вкушать, но и прикасаться бобамъ; то сіе нечаянное препятствіе остановило ихъ побѣгъ, и они начали паки обороняться камнями, дубинами и всѣмъ что имъ попадалось; напослѣдокъ всѣ были побиты, и ни одинъ живой не впалъ въ руки непріятелей. Евримень досадуя, что не успѣлъ ни одного Пиѳагорца пред-

ставить Тирану, велѣлъ однако же предать землѣ убитыхъ, *воздвигъ имъ памятникъ*, и въ огорченіи отправился въ домъ свой. Дорогою встрѣтилъ онъ еще одного Пиѳагорца, *Милїаса* Кротонскаго, которой съ женою своею *Тимихою*, бывшей беременною десятой мѣсяцъ *) былъ оставленъ

*) Не сїе одно мѣсто можетъ побудить сумнѣваться въ подлинности всей повѣсти; ибо есть точные и достовѣрные примѣры, что беременность женщинъ продолжаться можетъ и за обыкновенной срокъ.

прочими своими клевретами, попричинѣ, что жена его не могла за ними поспѣвать. Обрадованный Евримень велѣль немедленно *взять ихъ живыхъ*, и прилагая вь пути всевозможное старание, чтобы они ни вь чемь недостатку не имѣли, прибыль напослѣдокь благополучно кь Тирану. Сей выслушавь оное печальное произшествие, показываль весьма сокрушенный видь, и обѣщаль супругамь симь, возвести ихь наперьвую по себѣ степень,

естьли они *согласятся ему соправительствовать.* Но какъ Миліасъ и Тимиха ни на что не соглашались, то *Дїонисїй* сказалъ: Отвѣтствуйте мнѣ только на одинъ вопросъ, послѣ чего отпущу я васъ съ честію и славою домой; по какой причинѣ Миліасъ, друзья твои пожелали лучше умереть, нежели продолжать бѣгство чрезъ поле, на которомъ росли бобы? Они, прервалъ Миліасъ, рѣшились лучше умереть, нежели прикоснуться

бобамъ; а я скорѣе умру, нежели объявлю тебѣ *причину, для которой* мы бобамъ не прикасаемся. Діонисій, коего любопытство симъ отвѣтомъ было болѣе еще возбуждено, велѣлъ тотчасъ вывести Пиѳагорца, и принести разныя орудія въ пыткахъ употребляемыя, надѣясь беременную, и мужней подпоры лишенную женщину принудить страхомъ уготованныхъ мукъ, открыть ему сіе таинство. Но исполненная геройскаго духа

жена, не размышляя долго, откусила сама себѣ языкъ, и бросила его въ лице Тирану, показавши тѣмъ, что хотя слабѣйшая женская природа и можетъ мученіемъ быть принуждена обьявить то, о чемъ долгъ повелѣваетъ молчать; но она имѣетъ довольно мужества, лишить сама себя потребнаго на то органа, и тѣмъ спасти свою тайну. —

Какъ бы мы ни думали о сей повѣсти, но по моему мнѣнію примѣры, хотя и

не столь великой твердости души — примѣры умѣренности, терпѣнія, безкорыстія и непоколебимости въ случаяхъ, несравненно чаще встрѣчающихся въ общественной и домашней жизни, столько же бы принесли чести Пиѳагоровымъ Ученицамъ, а для подражанія и ободренія большей части пола ихъ, несравненно бы полезнѣе были примѣра сего почти сверхъ естественнаго мужества. Сколько неизвѣстныхъ свѣту женщинъ

исполняютЪ вЪ тѣсномЪ кругу домашней своей жизни скромныя добродѣтели, для коихЪ нерѣдко бываетЪ потребна большая степень твердости духа, нежели сЪ каковою производятся на обширномЪ позорищѣ свѣта дѣянія, которыя возбуждая удивленіе народной толпы, занимаютЪ ИсториковЪ! да и по большей части не на сихЪ ли скромныхЪ и тихихЪ добродѣтеляхЪ основывается блаженство семействЪ, а на ономЪ благосостояніе Госу-

дарствѣ? Пиѳагоръ, сколько можно заключить изъ малаго числа истинныхъ остатковъ его философіи, и почти вовсе потерянныхъ слѣдовъ его жизни — думалъ кажется обовсемъ ономъ, какъ должно человѣку, которой чувствуетъ внутреннее побужденіе быть нравственнымъ врачемъ развращенныхъ людей и Государствъ; и естьли бы въ томъ, что повѣствуетъ Юстинъ о произведенномъ имъ въ Кротонѣ исправленіи нравовъ, заклю-

чалось все, что до насъ объ немъ достигло; то и сего уже довольно для убѣжденія, что философія его основывалась не на мечтательности, или обманчивомъ хвастовствѣ (какъ то многіе судящіе объ немъ по словамъ *Порфирія, Ямблихія* и имъ подобныхъ заключаютъ), но на истинномъ и справедливомъ познаніи цѣны всѣхъ человѣческихъ вещей.

5.

Изъ числа Пиѳагоровыхъ Ученицъ, *Ѳеано*, супруга его, почиталась кажется первѣйшею, не столько по знаменитости сего союза, сколько по личнымъ ея достоинствамъ. Но жребій всего Пиѳагорова общества, постигшій самаго основателя снаго, лишилъ насъ способовъ узнать подробнѣе славную сію женщину. Нѣсколько писемъ къ пріятельни-

цамъ, подъ ея именемъ изданныхъ, и не многія черты, сохраненныя древними писателями, составляютъ все то, на чемъ можно основывать нѣкоторое понятіе о ея разумѣ и свойствахъ.

Послѣдуя вѣроятнѣйшему мнѣнію, *Ѳеано* была дочь Кротонскаго жителя: и я не ошибаюсь кажется, почитая союзъ ея съ симъ любви достойнымъ мудрецомъ, слѣдствіемъ страстнаго и неограниченнаго высокопочитанія, при-

обрѣтеннаго имъ между жителями Кротоны; ибо нимало не вѣроятно, чтобы онъ прежде поселенія въ великой Греціи, то есть въ перьвой половинѣ своей жизни, проведенной большею частію въ путешествіяхъ и въ Египтѣ, могъ быть женатъ. Особа, въ которой Пиѳагоръ нашелъ свою *половину*, и которую онъ столько любилъ, что Еротической стихотворецъ *Гермезїанаксъ* (коего не малое число любовныхъ Елегій къ славной *Гетерѣ*

Леонтіи сохранено *Атенеемъ*), обвинялъ его, будто бы онъ влюбленъ былъ въ нее до безумія. Такая особа должна была безъ сумнѣнія соединять въ себѣ всѣ достоинства и добродѣтели своего пола; и сіе тѣмъ достовѣрнѣе, что для самаго успѣху его ученія и пользы всего общества, необходимо было, чтобы супруга, предпринявшаго исправить нравы цѣлаго народа, была достойна всѣмъ женщинамъ предстоять образцомъ совершенной жены

и матери, и быть даже участницею его сокровеннѣйшихъ думъ и намѣренiй, какъ и помощницею въ исполненiи оныхъ.

Мы находимся въ разсужденiи сей женщины, которая по всей вѣроятности была славнѣйшимъ украшенiемъ своего пола, въ такомъ же точно положенiи, какъ тотъ Художникъ, коему изъ *отломковъ* руки, ноги, пальца и части головы поручено бы было составить статую Юноны или Венеры Поликлета. Я

не имѣю намѣренія испытать въ томъ свои силы; но предложу только *оныя* читательницамъ моимъ (ибо читательницамъ собственно посвящено сочиненіе сіе), въ томъ состояніи, въ какомъ дошли до насъ; и увѣренъ что природная ихъ прозорливость, научитъ ихъ усмотрѣть изъ оныхъ первоначальную красоту разрушеннаго временемъ божественнаго изваянія, съ большею вѣрностію, нежели съ какою глаза любьви, изъ случайно

открывшейся стройной ножки, или измѣною нечаянно выпавшей булавки, заключаютъ о прелестныхъ округлостяхъ, которыя обычаемъ и благопристойностію, между всѣми просвѣщенными народами, хранятся подъ непроницаемымъ покровомъ, по весьма благоразумнымъ причинамъ.

6.

Я начну важнѣйшими дошедшими до насъ остатками, то есть *письмами Ѳеаны*, которыя впервые 1499 года изданы въ Венеціи славнымъ *Алдомъ Мануціемъ*, въ сочиненномъ имъ съ помощію ученаго Грека *Марка Музурія* собраніи писемъ разныхъ Греческихъ Философовъ, Риторовъ, Стихотворцовъ и другихъ знаменитыхъ людей.

О подлинности сихЪ писемЪ (вЪ чемЪ мнѣнія ученыхЪ какЪ видно всегда будутЪ несогласны) за недостаткомЪ удовлетворительныхЪ доказательствЪ, не можно сыскать другаго свидѣтельства, кромѣ *внутренних* признаковЪ; и вЪ такомЪ случаѣ, всякой просвѣщенный читатель найдетЪ рѣшеніе своихЪ сумнѣній вЪ нѣкоторомЪ чувствованіи, которое трудно будетЪ совершенно выразить понятіями ясными. Естьли позволено мнѣ вЪ-

ришь моему чувству, то не вижу я въ предлагаемыхъ здѣсь читательницамъ моимъ трехъ письмахъ ни малаго сумнѣнія, чтобы оныя не были писаны такою женщиною, какой по мнѣнію моему надлежало быть супругѣ Пиѳагоровой: напротивъ того нахожу въ нихъ столь ясно впечатлѣнный признакъ женской простоты въ слогѣ, и Пиѳагорова духа въ мысляхъ и въ образѣ представленія оныхъ, что не взирая на всѣ подозрѣнія, которыя противу *Алдова*

собранія писемъ имѣются, въ подлинности оныхъ ни мало сумнѣваться не могу. На вопросъ, не должно ли приписать оныхъ другой, *младшей Ѳеанѣ*, отвѣтствовать буду ниже сего; а теперь предлагаю самыя тѣ письма.

Ѳеано къ Еввулѣ.

Я слышу, что ты желая быть доброю матерію, воспитываешь дѣтей своихъ съ лишнею нѣгою; но любезная моя, первой долгъ доброй матери требуетъ не столько стараться о доставленіи дѣтямъ своимъ пріятныхъ ощущеній, сколько пріучать ихъ заблаговременно ко всему тому, что служитъ основаніемъ всѣхъ добро-

дѣтелей, какъ то: къ умѣренности и обузданію чувственныхъ желаній и страстей; и по сему должна ты опасаться, чтобы чадолюбивая мать не превратилась въ потворщицу. Дѣти, воспитанныя отъ рожденія своего въ нѣгѣ и роскоши, непремѣнно будутъ слабы и безсильны противиться искушенію чувствъ, искушенію столь сильно дѣйствующему. И потому, любезная моя, долгъ повелѣваетъ воспитывать ихъ такъ, чтобы природа не

имѣла въ нихъ вреднаго себѣ направленія; что неминуемо послѣдуетъ, когда любовь къ удовольствію и забавамъ возметъ верьхъ въ душѣ ихъ; и тѣло, пріобыкнувъ къ однимъ только пріятнымъ ощущеніямъ, учинится безмѣрно слабымъ и удобь раздражаемымъ, а душа возненавидитъ всякой трудъ и напряженіе силъ своихъ. Для сего то, ничто столь ненужно, какъ пріучать питомцевъ своихъ къ тому, отъ чего они болѣе всего

отвращеніе имѣютъ, хотя бы досаду и даже самую боль отъ того чувствовали: нѣтъ лучшаго средства, вмѣсто раболѣпства страстямъ и столь же сильнаго отвращенія отъ трудовъ, какъ и жадности къ роскоши, поселить въ нихъ заблаговременно почтеніе ко всему изящному и благородному, и научить сколько убѣгать сей послѣдней, столько же прилѣпляться къ первому.

И такъ, любезная пріятельница, естьли ты дѣ-

тямЪ своимЪ всегда давать станешь пищу сладкую, или неумѣренно, много издерживать для доставленія имЪ то сего, то другаго удовольствія; всегда дозволять имЪ будешь играть и рѣзвиться; попустишь ихЪ все то говорить и дѣлать, что вздумаютЪ, боясь чтобы милое дитя не прослезилось, и стараясь ихЪ всегда тѣшить и забавлять; смѣяться будешь, когда они дерутся сЪ своими нянками, и тебя самую называютЪ бранными име-

нами; также, когда ты болѣе всего стараться станешь лѣтомъ прохлаждать ихъ и зберегать отъ жару, а зимой одѣвать въ теплыя и мягкія одежды: то дозволь мнѣ сказать, что чрезъ все сіе причинишь ты имъ весьма великое зло. Не видишь ли ты что дѣти бѣдныхъ людей, о которыхъ никто такихъ попеченій не прилагаетъ, несравненно лучше ростутъ, и вообще имѣютъ сложеніе здоровое и крѣпкое? Ты же напротивъ того

воспитываешь своихъ сыновей, подобно маленькимъ *Сарданапаламъ*, и мужеской природѣ ихъ, причиняешь сею нѣгою такой вредъ, отъ коего они во всю жизнь не оправятся. Подумай сама, что будетъ со временемъ изъ ребенка, которой тотчасъ заплачетъ, естьли по первому слову не дадутъ ему ѣсть, или изъ предлагаемой пищи выбираетъ всегда самую сладкую? которой отъ жару тотчасъ ослабѣваетъ, а отъ холоду дрожитъ и мерзнетъ;

естьли въ чемъ ему отказано бываетъ, кричитъ и споритъ; а не получая всего того, чего требуетъ, ходитъ нахмурившись, и сердится естьли не всегда его ласкаютъ и ублажаютъ; чего инаго должно ожидать отъ избалованныхъ такимъ образомъ дѣтей, когда они достигнутъ мужескихъ лѣтъ, кромѣ нещастныхъ и презрительныхъ рабовъ собственныхъ своихъ и людскихъ страстей!

И такъ старайся всѣми мѣрами, любезная пріятель-

ница, перемѣнить совершенно образъ воспитанія дѣтей своихъ, и вмѣсто нѣжнаго, завесть строгое и мужественное. Пріучай ихъ къ голоду и жаждѣ, жару и стужѣ, и научи ихъ съ терпѣніемъ переносить огорченія товарищей или выговоры наставниковъ,— ибо *привычка къ трудамъ и къ перенесенію тѣлесныхъ болѣзней и безпокойствъ*, для юныхъ нравовъ столь же полезна, какъ и квасцовая вода для крашенія тканей въ пурпуровой цвѣтъ, чѣмъ

болѣе ихъ напитаешь оною, тѣмъ сильнѣе проникнетъ въ нихъ цвѣтъ добродѣтели, тѣмъ прекраснѣе, ярче и прочнѣе онъ становится 3).

И такъ опасайся моя любезная, чтобы съ дѣтьми твоими не произошло тоже, что съ виноградными лозами, кои питаясь дурными соками, произращаютъ и дурное гроздіе; да и воз-

3) Уподобленіе сіе наиболѣе прилично въ устахъ Ѳеаны, потому что крашенье между Греками щиталось въ числѣ женскихъ домашнихъ упражненій.

можно ли, чтобы роскошное и изнѣженное воспитаніе принесло иные плоды, кромѣ легкомыслія, надменности, упрямства и всѣхъ свойствъ противныхъ тѣмъ, которыя дѣлаютъ человѣка полезнымъ самому себѣ и его ближнимъ?

---

*Ѳеано къ Никострат*ѣ.

Дошелъ и до меня слухъ, любезная пріятельница, о мужѣ твоемъ, которой какъ сказываютъ, подвергся глупости и содержитъ *Гетеру*; 4) и сіе тѣмъ мнѣ огорчительнѣе, что говорятъ, будто ты ревнива. Что касается до твоего

4) Гетерою въ Греціи называлась женщина, состоящая въ одномъ классѣ съ тѣми Европейскими нашихъ временъ, коихъ названіе оскорбляетъ благопристойность.

супруга, то я къ нещастію знаю слишкомъ многихъ мужей, одержимыхъ сею болѣзнію. Бѣдные люди, подобно несмысленнымъ животнымъ бѣгутъ на приманку сихъ тварей, и съ самаго того мгновенія, какъ попадаютъ въ ихъ сѣти, кажется вовсе лишаются ума и памяти, и съ сей стороны заслуживаютъ болѣе наше сожалѣніе, нежели негодованіе. Ты же напротивъ того предаешся днемъ и ночью неумѣренной печали и отчаянію,

и только о томѣ заботишся, какѣ бы помѣшать ему вѣ наслажденіи безчестною его прихотію. Сего не должно бы тебѣ дѣлать, любезная моя, добродѣтель супруги не вѣ томѣ состоитѣ, чтобы стеречь своего мужа, но чтобы нравиться ему, и угождать его желаніямѣ; а сіе исполнитѣ она тогда, когда глупости его сѣ терпѣніемѣ переносить будетѣ. Сѣ другой же стороны, мужѣ находитѣ вѣ Гетерѣ своей такую особу, отѣ которой

ожидаетъ кратковременнаго себѣ удовольствія, а въ женѣ видитъ подругу, на всю жизнь его общею пользою тѣсно съ нимъ соединенную. Но общая сія польза не въ томъ состоитъ, чтобы за зло платить зломъ, и естьли мужъ учинится глупцомъ, то сіе не извиняетъ жены въ глупостяхъ ея. Нѣкоторыя страсти, любезная моя пріятельница, раздражаются еще болѣе упреками, а молчаніе и терпѣніе надежнѣе всего ихъ прекращаетъ;

подобно огню, которой какъ говорятъ, самъ собою гаснетъ, когда его раздувать не станутъ 5). Жена дѣлающая мужу выговоры тогда, какъ онъ невѣрность свою скрыть отъ нее старается, снимаетъ только завѣсу, за которой онъ втайнѣ безпутст-

5) Греки малой Азїи были столько увѣрены въ сей аксїомѣ, что не имѣли никакихъ огнегасительныхъ учрежденїй, и съ спокойнымъ духомъ смотрѣли, какъ горятъ ихъ домы и славнѣйшїя зданїя. Recherches phil. ſur les Grecs. part. III. p. 58.

вуетъ. Но какую изъ того получаетъ она пользу? Онъ продолжаетъ развратъ свой въ глазахъ ея. Естьли хочешь, любезная моя, послушать моего совѣту, то не думая чтобы его къ тебѣ привязанность была неразлучна съ непорочностію его нравовъ, разсмотри сіе дѣло совсѣмъ съ другой стороны. Подумай, что союзъ твой съ нимъ продолжаться долженъ цѣлую жизнь вашу — что онъ посѣщаетъ свою Гетеру въ такое время, когда не

можетъ заняться чемъ лучшимъ, и надѣется прогнать у нее свою скуку; но всегда къ тебѣ возвратится, по тому что ни съ кѣмъ кромѣ тебя жить не желаетъ. Тебя любитъ онъ, когда разсудокъ имъ повелѣваетъ, а ту, когда онъ порабощенъ страсти. Но страсть не можетъ быть долговременна, и столь же скоро изчезаетъ, какъ и раждается. Такой мужъ, которой можетъ на долгое время прилѣпиться къ Гетерѣ, долженъ быть совершенно без-

честной человѣкъ; ибо что можетъ быть глупѣе такого наслажденія, которымъ мы причиняемъ вредъ самимъ себѣ. Вскорѣ примѣтитъ онъ, сколь много страдаетъ отъ того имѣніе его и самое доброе имя; а никто кромѣ безумнаго не ввергаетъ себя добровольно въ погибель. И такъ будь увѣрена что право, по которому вы взаимно другъ другу принадлежите, непремѣнно его тебѣ возвратитъ. Онъ усмотритъ, сколь разорителенъ такой образъ жизни

его хозяйству; почувствуетъ тягость общей хулы, и не въ силахъ будетъ переносить ее долѣе; любовь его къ тебѣ возобновится, и онъ перемѣнитъ совершенно свои мысли.

Но ты любезная пріятельница, вмѣсто того чтобы равняться съ Гетерою, покажи съ своей стороны различіе между тобою и подобною ей безстыдницею, благоразумнымъ поведеніемъ, пристойнымъ обращеніемъ съ мужемъ твоимъ и тщательною домовито-

стію, добрымЪ согласіемЪ сЪ знакомыми и истиннымЪ чадолюбіемЪ. Почитай развращенную женщину недостойною возбудить ревность твою: ибо по однимЪ добродѣтелямЪ ревновать похвально. Будь всегда готова кЪ примиренію сЪ мужемЪ твоимЪ. Благородное поведеніе склоняетЪ кЪ намЪ напослѣдокЪ сердца самыхЪ враговЪ нашихЪ, и добродѣтель пріобрѣтаетЪ намЪ всеобщее почтеніе; она можетЪ даже нѣкоторымЪ образомЪ до-

ставить женѣ власть надъ мужемъ, и всегда будетъ ему пріятнѣе видѣть къ себѣ почтеніе такой жены, нежели быть ею преслѣдуему, подобно непріятелю. Чѣмъ болѣе ты будешь оказывать ему почтенія, тѣмъ скорѣе пожелаетъ онъ съ тобою примириться, и тѣмъ нѣжнѣе и чистосердечнѣе послѣ любить тебя будетъ, когда безпорочное твое поведеніе и любовь къ нему принудятъ его напослѣдокъ возчувствовать несправедливость

его поступковъ, въ разсужденіи тебя. Щастіе ваше, послѣ кратковременнаго сего помраченія, тѣмъ сугубѣе возсіяетъ. Подобно какъ по излѣченіи отъ болѣзни, ничто не можетъ быть усладительнѣе перваго чувства возвращающагося здравія; такъ и несогласія между друзьями, оканчиваются всегда искреннѣйшимъ и пріятнѣйшимъ примиреніемъ.

Теперь любезная пріятельница, сравни сей совѣтъ мой со внушеніемъ

страсти! Оная требуетъ, чтобы ты во время болѣзни *мужа твоего*, отъ печали и сокрушенія *сама* впала въ болѣзнь; и потому что *онъ* погрѣшаетъ противу честности, научаетъ и *тебя* нарушать по крайней мѣрѣ благопристойность; или когда *онъ* расточаетъ свое имѣніе и вредитъ доброму имени, побуждаетъ она *тебя* съ своей стороны ему въ томъ помогать и стараться превзойти еще его, отдѣливъ мужа своего пользы отъ собственныхъ своихъ.

Ты думаешь *его* наказать, но причиняешь вредъ *самой себѣ*; ибо скажи мнѣ, чемъ можешь ты мстить ему? — Не разводомъ ли? — Въ такомъ случаѣ будучи еще въ столь молодыхъ лѣтахъ, ты должна выпти задругова; а когда сей впадетъ въ подобную же слабость, за третьяго — Или принуждена будешь проводить жизнь свою въ горькомъ вдовствѣ 6.) — Или не бросишь ли ты

6) Должно признаться, что мысль жить безъ мужа, заключала въ

попеченіе о хозяйствѣ твоемъ, и приведя все въ безпорядокъ, разорять станешь мужа своего? Но чрезъ то зделаешь себя столько же нещастною, какъ и его. — Ты угрожаешь мщеніемъ своимъ Гетерѣ, но она найдетъ способъ отъ тебя защититься: а есть-ли доведешь съ нею до драки, то будь увѣрена, что забывшая стыдъ женщина

себѣ нѣчто ужасное для Греческихъ женщинъ; и потому, сіе представленіе должно было подѣйствовать.

вЪ силахЪ будетЪ побороть тебя—Естьли же тебѣ нравится ежедневно заводить сЪ мужемЪ своимЪ ссору и крикЪ; то подумай, что вся твоя брань не прекратитЪ его распутства, а укоренитЪ еще сильнѣе ваше несогласіе и вражду. И неужели ты покушаться станешь на жизнь его? НѣтЪ моя любезная, сего я отЪ тебя не опасаюсь! Развѣ трагедія, представляющая намЪ преступленіе *Медеи* во всемЪ его ужасѣ, не произвела надЪ тобою ника-

кого впечатлѣнія 7)? Ибо она научаетъ насъ обуздывать ревнивость, и не давать ей усиливаться въ стремленіи своемъ. Болѣзнь, которою ты страдаешь, подобна въ семъ случаѣ глазной; никакъ не должно

7) Сіе приведеніе трагической Медеи моглобы меня побудить усумниться въ подлинности сего прекраснаго, и Ѳеаны достойнаго письма, естьли бы не вспомнилъ я, что Есхилу современнику Пиѳагорову приписывають сіе сочиненіе; не упоминая о Феписѣ и Фриникѣ, которые задолго до Есхила почерпали изъ древнихъ поемъ сцены для (монологическихъ) единоличныхъ драмъ.

прикасаться кѣней руками. Терпѣніе и твердость, суть единственныя средства, отъ коихъ должна ты ожидать исцѣленія.

Өеано къ Каллистѣ.

Законы даютъ вамъ, молодымъ женамъ, власть управлять домашними вашими служителями, со времени замужства вашего: но какъ поступать въ управленіи ими, предоставляютъ научаться отъ старѣйшихъ васъ, которые всегда столь охотно говорятъ о хозяйствѣ, и даютъ добрыя наставленія. Поистинѣ похвально на-

учаться тому, чего мы незнаемъ, и довѣрять тѣмъ, кои старѣе насъ, и по опытности своей способны подавать полезные совѣты. Особа, недавно перемѣнившая дѣвическое свое состоянiе, и вступившая въ домъ мужа своего, должна сколько возможно ранѣе стараться, напитать свое юное сердце и умъ приличными важной ея должности правилами.

Первое, чемъ жена начинаетъ управлять въ домѣ своемъ, суть ея служанки:

И въ семъ дѣлѣ любезная моя, доброй успѣхъ зависитъ отъ того, чтобы умѣть заставить ихъ повиноваться и служить намъ изъ доброй воли. Сердца рабынь не покупаются вмѣстѣ съ ними; они пріобрѣтаются благоразумными господами чрезъ доброе съ ними обращеніе; и сіе бываетъ, когда не взыскивая съ нихъ ничего сверхъ силъ, по самой справедливости наблюдаемо будетъ, чтобы не изнурять ихъ какъ неумѣренною работою, такъ

и недостаточною пищею. Не должно забывать, что и онѣ подобные намъ люди. Есть столь несмысленныя и жестокія госпожи, что думаютъ получить себѣ пользу, содержа своихъ рабынь весьма худо; обременяя ихъ работою, и сколько можно стараясь убавлять отъ самаго нужнаго пропитанія. Но тѣмъ самимъ причиняютъ онѣ себѣ сугубой вредъ; и обыкновенными слѣдствіями такаго съ ними обращенія бываютъ дурное повиновеніе, невѣр-

ность, и тайные заговоры слугѣ противу пользы господѣ своихѣ. Желая зберечь нѣсколько копѣекѣ, доводятѣ слугѣ до воровства, чрезѣ что они расхищаютѣ имѣніе безразсудныхѣ господѣ. Для избѣжанія сего порока, ты весьма хорошо здѣлаешь, любезная моя, когда рабынямѣ своимѣ опредѣлишь для дневнаго ихѣ содержанія нѣчто извѣстное, по мѣрѣ трудовѣ каждой, или по количеству шерсти, сколько онѣ напрядутѣ и обработаютѣ,

такъ что бы тѣ, кои прилѣжнѣе и усерднѣе, могли содержать себя лучше. Что же касается до проступковъ ихъ, то поступай съ ними, не нарушая собственнаго своего достоинства, наказывая всегда соразмѣрно винѣ, но безъ гнѣва и жестокости; ибо никогда жестокость наказанія не возвратитъ намъ почтенія, которое мы теряемъ въ гнѣвѣ. Сохраняя всегда приличную тебѣ важность, и умѣя управлять собою, покажешь ты имъ,

что никакое безчиніе или злость, терпимы тобою не будутЪ. Естьли же пороки ихЪ не могутЪ быть исправлены, то избався лучше отЪ нихЪ продажею; ибо кЪ чему тебѣ владѣть безполезною вещію? Но во всѣхЪ сихЪ случаяхЪ слѣдуй разсудку; онЪ покажетЪ тебѣ, подлинно ли кто погрѣшилЪ, дабы не пострадалЪ безвинной; и велико ли преступленіе, чтобы можно было учинить наказаніе, оному соразмѣрное. Не рѣдко снисхожденіе и

прощеніе суть благоразумнѣйшія средства, избираемыя доброю госпожею, для предупрежденія большаго вреда и сохраненія своего достоинства, которое столь важно для пользы всѣхъ семейныхъ отношеній. Иныя напротивъ того столь безчеловѣчны, что сѣкутъ своихъ служанокъ, и отъ гнѣва или ревности изливаютъ на нихъ злость свою ужаснымъ образомъ; чтобы по словамъ ихъ учинить надъ нещастными сими тварями страшный

примѣръ. Но какую пользу обрѣтаютъ онѣ отъ свирѣпыхъ своихъ поступковъ? Иныя, отъ претерпѣнныхъ страданій и унынія, преждевременно оканчиваютъ жизнь свою; другія, въ бѣгствѣ ищутъ своего спасенія; а иныя изъ отчаянія, даже сами себя лишаютъ жизни. Послѣ же, когда злонравная госпожа увидитъ себя оставленною одну въ домѣ своемъ, и начнетъ оплакивать вредную свою безразсудность въ управленіи дома; тогда,

хотя и перемѣнитъ мысли свои, но уже поздо. Представь себѣ, любезная пріятельница, струны какого либо инструмента, которыя будучи ослаблены, совсѣмъ не издаютъ голоса, а когда ихъ чрезъ мѣру натягивать станешь, рвутся. Точно тоже случается съ госпожею и служанками ея; чрезъ послабленіе теряетъ госпожа свое уваженіе, а рабыни забываютъ долгъ свой; лишней же строгости не можетъ перенести человѣческая природа. А потому

и здѣсь имѣетъ свою силу золотое изреченіе:

Во всемъ полезно держаться средины.

7

Сіи то три письма Ѳеаны, благопріятнымъ нѣкіимъ случаемъ спасены отъ судьбы, постигшей прочія, коихъ число вѣроятно было не мало 8); и въ подлинности оныхъ я съ моей стороны увѣренъ 9). Многіе

8) Изъ онаго числа на пр. упоминаетъ Полуксъ, по причинѣ одного слова, о письмѣ Ѳеаны къ Тимаретѣ, которое до насъ не дошло.

9) Ученый мужъ Лука Голстеній издалъ въ свѣтъ съ рукописи, най-

изЪ древнихЪ писателей, упоминаютЪ еще омладшей Θеанѣ, которую большею частію (по сродной ГрекамЪ вЪ такихЪ вещахЪ неисправности) смѣшиваютЪ сЪ старшею, равно какЪ и послѣднюю сЪ первою. По моему мнѣнію, Ямблихій заслуживаетЪ болѣе другихЪ вѣроятіе,

денной имъ въ Ватиканскомъ книгохранилищѣ, четыре другія письма или отрывка, въ заглавіи которыхъ стоитъ имя премудрѣйшей Θеаны; но отъ подлинныхъ съ перваго взгляду онѣ стольже легко отличаются, какъ мѣдь отъ золота.

утверждая, что одна была супругою Пиѳагора, а другая Бронтина, знатнѣйшаго изъ его учениковъ въ Кротонѣ. Сiю послѣднюю называетъ нѣкоторой безыменной жизне-описатель Пиѳагоровъ 10) (которой о перьвой ничего не говоритъ) *дочерью* сего Любомудра; и можетъ быть *увѣщанiя женщинамъ и достопамятныя изреченiя* различ-

10) Сiя бiографiя извѣстна намъ по однимъ выпискамъ изъ оной, находящимся въ библiотекѣ Фоцiя N. 260.

ныхъ особъ Пиѳагоровой секты, которыхъ сочиненіе *Свидїй*ей приписываетъ, не что иное были, какъ учиненныя стараніемъ сей младшей Ѳеаны собранія писемъ ея матери и другихъ женъ сего училища, подъ названіемъ *Апоѳегмъ* или краткихъ *изреченїй*, заключающихъ въ себѣ *остроумныя слова и правила нравоученїя*; собранія изъ коихъ вѣроятно какъ сообщенныя выше сего письма, такъ и слѣдующія Апоѳегмы отрывками сохранены и до-

шли случаемъ до нашихъ временъ.

* * *

Ѳеано была нѣкогда вопрошена, чемъ надѣется прославить себя? — Вопросомъ симъ хотѣли можетъ быть уловить ее. — Она отвѣтствовала стихомъ Гомера 11).

11) Иллїада 1. 31. Агамемнонъ сказалъ престарѣлому жрецу Хризу, что таковъ будетъ жребїй дочери его въ Аргосѣ —
,,Полотна тонкїя изъ мягка ткуща льна
,,И одръ готовя мнѣ въ нощи для сладка сна.
Переводъ Г. Кострова.

„Прилѣжно веретено обращая, и брачное ложе свято храня.„

Вопросившему же ее, вѣ чемѣ заключается понятіе всего того, что прилично женѣ, отвѣчала: всю жизнь свою посвятить единственно мужу.

По моему сужденію, сіи два краткіе отвѣты стоятѣ всѣхѣ Пиѳагоровыхѣ *золотыхъ стиховъ*, и заключаютѣ (хотя нынѣ уже тотѣ духѣ, сѣ какимѣ Ѳеано произнесла оные, вовсе изѣ употребленія вышелѣ) вѣ

себѣ достаточную матерію къ сочиненію полнаго наставленія о благонравіи и должностяхъ, для пользы цѣлой половины человѣческаго рода. Вскорѣ узрѣли бы мы благополучнѣйшія времена, и менѣе нежели въ половину столѣтія совершившееся удивительное *перерожденіе* во всѣхъ нашихъ Европейскихъ Государствахъ, клонящихся къ паденію своему; естьлибъ только можно было изобрѣсть трубу для вліянія всѣмъ живущимъ нынѣ

женамъ и дѣвамъ сего образа мыслей, и того разума, которой одушевлялъ простые отвѣты прекрасной Ѳеаны.

Греческія жены, посвященныя въ *таинствахъ Цереры*, законами оныя принуждаемы были девять дней предъ начатіемъ и во время совершенія Тесмофорій, жить въ отлученіи отъ мужей своихъ. Естьли мнѣніе, которое *Повъ* подаетъ намъ о пылкомъ сложеніи Греческихъ госпожъ, справедливо; то сіи девять

дней и девять ночей должны были конечно казаться имъ безмѣрно долгими. Насмѣшникъ, можетъ быть, припишетъ слѣдующій отвѣтъ Ѳеаны сожалѣнію ея, касательно сего обстоятельства: она была вопрошена молодою женою, чрезъ сколько времени женѣ, преспавшей съ мужемъ, позволяется быть при Тесмофоріяхъ? „*Немедленно*, когда то былъ собственной ея, отвѣчала Ѳеано; а естьли чужой, то *никогда*.„ — *Я* нахожу въ семъ отвѣтѣ,

въ краткихъ словахъ многозначущее ученіе молодой особѣ, которая (судя по ея вопросу) имѣла несправедливыя понятія какъ о брачномъ союзѣ, такъ и о Тесмофоріяхъ. Таинства перьваго (желала показать благоразумная и добродѣтельная Ѳеано) *толико священны*, что супруга, исполняющая оныя въ точности, никогда ими не будетъ опорочена; послѣднія же столь важны, что жена, возмогшая осквернить *перьвыя*, никакимъ воздержаніемъ и пощеніемъ не

можетъ очиститься, и приступить къ нимъ, не оскверня и оныхъ.

Нѣкогда случилось, что одинъ изъ ея знакомцевъ, нечаяннымъ и ей непримѣтнымъ образомъ увидѣлъ руку ея, обнаженную по локоть. Какая прекрасная рука! вскричалъ онъ.— Но *не для всякаго* (all'u demosios), сказала Ѳеано. — Не вдругъ можно понять, въ чемъ состоитъ острота или особенность сихъ словъ, побудившая нѣкоего нравоучителя, двухъ церковныхъ

отцевЪ и одну Княжну Императорскаго дома, 12) упоминать обЪ нихЪ, яко весьма достопамятной АпоѳегмѢ. Для изясненія всей силы слова demosios, должно бы перевесть мнѣ изреченіе сіе такЪ: *но оная не принадлежитъ обществу*. Теперь усмотрѣть можно, что вЪ семЪ отвѣтѢ заключается хотя не прямой, но довольно строгой выговорЪ. Естьли бы

12) Плутархъ, Клементій Александрійскій, Ѳеодоритъ и Анна Комнено.

я (желала она сказать) была статуею, поставленною на площади, и имѣющею обнаженную руку; то всякъ имѣлъ бы право смотрѣть на оную, и о красотѣ ея восклицать по своему желанію; ибо въ семъ случаѣ принадлежитъ она обществу. Точно въ такомъ же положеніи находится и всенародная плясавица или Гетера. Но не пристойно, и противно должному почтенію было такое восклицаніе, когда по нечаянности увидѣли обнаженную

руку супруги Пиѳагоровой. Естьли скромность может позволить глазамъ воспользоваться благопріятностію случая; то по крайней мѣрѣ должна оная запечатлѣть уста. — Правда, понятія нынѣшняго свѣта о учтивости, предписываютъ совсѣмъ противное сему; и по онымъ, Ѳеано еще довольно пощажена была однимъ простымъ восклицаніемъ нескромнаго зрителя: но какъ видно, разсуждала она строже нынѣшняго о томъ, что *пристойно*

честной женѣ: и можетъ быть примѣтила въ глазахъ сего непросвѣщеннаго, нѣчто такое, что необходимо требовало отвѣта, которой, будучи сопровождаемъ не весьма ласковою улыбкою, могъ бы его удержать въ должныхъ предѣлахъ. *Наша щеголиха* (petite Maitresse), конечно не такъ бы поступила!

Древнiе приписываютъ ей же книгу о кротости, вперяемой вѣрою (Eusebia), изъ которой, какъ кажется, взята приведенная *Кли-*

ментомъ Александрійскимъ слѣдующая мысль: „Сія жизнь была бы совершеннымъ торжествомъ для порочныхъ, естьли бы души не были безсмертны, и смерть была бы тогда для нихъ выигрышемъ.„ Мысль, которая хотя не можетъ устоять противъ строгаго сужденія, но будучи разсматриваема съ нѣкоторой стороны, заключаетъ для большей части людей столь очевидную истинну, что самъ Платонъ не усумнился воспользоваться оною.

По свидѣтельству Дидима, сочиняла также Ѳеано стихи, и (по увѣренію Феодорита не извѣстно изъ какого источника имъ почерпнутаго) по смерти Пиѳагора, купно съ сыновьями своими *Телавгомъ* и *Мнезархомъ*, управляла училищемъ, *или* справедливѣе сказать тайнымъ ихъ сообществомъ.

8.

Изъ числа Пиѳагоровыхъ учениць *Арингота*, *Дамо* и *Мїя*, почитаются дочерями Пиѳагора и Ѳеаны. Перьвыя двѣ извѣстны мало; о послѣдней же упоминается для описанія одною чертою ея свойства, что она во время дѣвическаго своего состоянія, при всѣхъ торжествахъ *предводительствовала хоромъ дѣвъ*; а будучи женою, *хоромъ женъ*. Она была въ

супружествѣ за славнымъ борцемъ *Милономъ Кротонскимъ*, которому необычайная тѣлесная сила и Гимнастическія упражненія не препятствовали быть другомъ и ученикомъ Пиѳагора. Послѣ ее сохранено одно письмо къ молодой матери о выборѣ *кормилицы*, заключающее столь благоразумныя правила, что Сократъ и Ипократъ совокупно, не могли бы ничего лучшаго написать, касательно сего предмѣта. По моему мнѣнію, весьма достойно при-

мѣчанія, что въ семъ письмѣ (о коего подлинности не можно сумнѣваться), не видно ни малѣйшихъ слѣдовъ, чтобы *Мїя* — которая будучи дочерью Пиѳагора и Ѳеаны, почерпала правила чистѣйшей нравственности непосредственно изъ самаго источника — воскормленіе дѣтей почитала естественною должностію матерей. Въ самомъ дѣлѣ (исключая рѣдкія случаи), причины, которыя не допускаютъ къ тому матерей вышнихъ степеней, а не

рѣдко и средняго, превосходятъ гораздо всѣ тѣ, о которыхъ начиная отъ ласкающихъ народу нравоучителей, до сочинителей площадныхъ романовъ, давно уже твердятъ, послѣдуя нѣкоторымъ иностраннымъ пустословамъ. Кормилицу, одаренную всѣми тѣлесными и нравственными добродѣтелями, которыя мудрая Мія почитаетъ по всей справедливости необходимо потребными для сей должности, въ наши дни стольже трудно сы-

скать, какъ и мать, которая могла бы сама заступить мѣсто столь совершенной кормилицы. И посему козы, коровы или ослицы (о нравственномъ свойствѣ коихъ вовсе не нужно заботиться), по большой части могутъ быть лучшими кормилицами. — Здѣсь сказано сіе мною мимоходомъ, и предоставляется дальнѣйшему разсмотрѣнію тѣхъ матерей — которые о вопросѣ, „какъ производится такое то дѣло?„ не столь равно-

душно судятъ, какъ добрая госпожа *Шанди* Тристрамова мать.

За сими дочерями Пиѳагора, въ великомъ числѣ другихъ женъ сего толка, коихъ одни имена сохранены, слѣдуютъ еще три, обыкновенно къ нимъ причисляемыя; хотя выключая нѣкоторые отрывки ихъ сочиненій, ни мало неизвѣстно ни время ихъ жизни, ниже другія какія обстоятельства оныя. Имена ихъ суть: *Финтїа*, *Перикцїона* и *Мелисса*. Нѣкто *Іоганъ Фонъ*

Штеба, собиратель драгоцѣнныхъ цвѣтовъ изъ сочиненій около *пяти* сотъ древнихъ стихотворцевъ и прозаистовъ 13), оставилъ намъ нѣкоторые отрывки, касательно сихъ двухъ первыхъ женъ.

Начальный взятъ изъ сочиненія *Финтіи*, въ коемъ она разсуждаетъ о добродѣтели, особенно и единственно ея полу приличной, о женской *Софрозине*.— Сло-

13) Самъ же онъ жилъ во второй половинѣ четвертаго столѣтія послѣ Рождества Христова.

во, коего совершеннаго значенія не возможно выразить ни однимъ на нашемъ языкѣ; ибо оное заключаетъ всѣ особенныя добродѣтели, проистекающія отъ благонравія, означая душу, которая совершенно управляя чувствами, желаніями и страстями, ограничиваетъ себя въ тѣсномъ кругѣ семейственныхъ должностей, и наслаждается единственно благополучіемъ, отъ исполненія оныхъ проистекающимъ. Она полагаетъ сію женскую до-

бродѣтель, вЪ которой состоитЪ собственно нравственная красота жены, наипаче вЪ цѣломудріи и супружней вѣрности; вЪ чистотѣ и крайней простотѣ вЪ одеждѣ и нарядахЪ; вЪ удаленіи отЪ всего, что можетЪ навлечь наималѣйшее подозрѣніе вЪ желаніи нравиться кому либо другому, кромѣ мужа своего; вЪ прилѣжнѣйшемЪ управленіи домомЪ; вЪ нѣжности и усердіи кЪ своему мужу, дѣтямЪ и домашнимЪ; и вЪ набожномЪ благочестіи,

очищенномъ отъ всякой суевѣрной или мечтательной склонности къ чрезестественному и таинственному.

Отрывки изъ сочиненій *Перикціоны*, большею частію суть одни повторенія и подтвержденія тѣхъ же нравственныхъ понятій, правилъ и предписаній, которыми Пиѳагорово училище ограничивало *философію женъ*. Перикціона возстаетъ весьма сильно противу роскоши, нѣги и сластолюбія; и въ семъ случаѣ

стольже далеко ревность свою простираетъ, какъ наистрожайшій Циникъ или пустынножитель, хотя и не можно обвинить ее *чрезмѣрностію*; и нравоученіе ея сколь ни строго противу обыкновенныхъ слабостей ея пола, но не льзя отрицать, чтобы она не была совершенно права, утверждая: что такая только жена, которая превыше всѣхъ сихъ слабостей, превыше тщеславія, суетности, чувственности и любви къ праздности и

роскоши; только совершенно благоразумная, скромная, *и въ исполненіи* всѣхъ своихъ должностей *истинно* вѣрная жена, у которой въ умѣ и сердцѣ, во внутренности и наружности, словомъ во всемъ ея житіи и бытіи *все* въ совершенномъ *согласіи и въ полной* гармоніи — что таковая только жена можетъ составить блаженство своего мужа, дѣтей, всего своего дома, и естьли судьба возведетъ ее на важную степень правительницы или

царицы, то цѣлаго государства и народа.—

Во второмъ отрывкѣ преподаетъ она другой родъ должностей, на коемъ основывается благополучіе семействъ, и посредствомъ онаго, благосостояніе Государствъ; должности дѣтей къ родителямъ и сіи— подобно должностямъ супруги къ мужу — простираетъ она до высочайшей степени строгости, но такъ что не возможно отвергнуть наималѣйшаго изъ ея требованій.

Изъ сочиненій *Мелиссы*, дошло до насъ одно небольшое письмо къ молодой женщинѣ, которая просила у нее наставленія въ разсужденіи нарядовъ, приличныхъ благоразумной женѣ. Я надѣюсь здѣлать моимъ читательницамъ удовольствіе сообщеніемъ сего письма, хотя онѣ изъ него усмотрятъ, сколь худыхъ прибавленій, отъ женъ Пиѳагорова толка, должно было ожидать къ журналу модъ ихъ времени, естьли таковой издавался уже въ Кротонѣ, Тарентѣ или Сибарисѣ.

Мелисса къ Клеаретѣ.

Я всегда почитала тебя отъ природы щедро одаренною всѣми добрыми склонностями, нынѣже ревностное твое желанiе, услышать нѣчто о нарядахъ приличныхъ доброй женѣ, утверждаетъ мою надежду, что ты во всѣ лѣта жизни твоей пребудешь вѣрною питомицею добродѣтели. Разумная и благородно мыслящая жена,

должна всегда приближаться къ мужу своему, съ коимъ совокуплена закономъ, въ скромномъ одѣяніи, безъ всякой пышности или драгоцѣнности, такъ какъ и безъ отягощенія излишними уборами; въ простомъ, чистомъ, бѣломъ платьѣ будетъ она всегда довольно нарядною.

Тонкія, прозрачныя 14).

14) Таковыя ткани, наиболѣе вырабатываемы были въ Тарентѣ; съ начала носили ихъ правда одни Гетеры, но мало по малу полюбились они и честнымъ женамъ, а напослѣдокъ (какъ и нынѣ въ

пурпуровыя и золотомЪ тканыя платья, должны быть вовсе изгнаны изЪ ея хранилища одеждЪ. *Гетеры* о томЪ только помышляющія, какЪ бы сколько возможно больше мужей изловить вЪ свои сѣти, имѣютЪ нужду вЪ таковыхЪ приманкахЪ: но украшеніе жены, которая желаетЪ и должна нравиться одному только своему мужу,

большихъ городахъ) не осталось между честною женою и Гетерою никакого наружнаго отличїя — а между многими и никакого внутренняго.

состоитъ въ ея нравахъ, а не въ платьѣ. Ничто столь не украшаетъ *честной жены*, какъ стараніе ея быть пріятною своему мужу, не заботясь ни мало нравится ли она всякому другому, встрѣчающемуся ей.

Вмѣсто румянъ, пусть будетъ тебѣ *служить* природный румянецъ, знакъ стыдливости: а добродѣтель, честность, скромность и смиреніе вмѣсто золотыхъ цепей и драгоцѣнныхъ ожерельевъ.

Жена, помышляющая о

ревностномъ исполненіи своихъ должностей, показываетъ любовь свою къ изящному не блистательнымъ нарядомъ, но благоразумнымъ разпоряженіемъ своего дома; и она увѣрена что ни чемъ мужу своему столько не учинится пріятною, какъ *исполненіемъ* и расположеніемъ своихъ поступковъ по его волѣ и желанію. Ибо желанія мужа должны быть *неписаннымъ закономъ*, по коему добродѣтельная жена ведетъ всю жизнь свою. Ей надлежитъ

вѣдать, что добродѣтель ея и доброе поведеніе есть наибогатѣйшее приданое, которое она *приноситъ* мужу своему, и что должно ей несравненно болѣе надѣяться на красоту и богатство души, нежели на внѣшній пріятный видъ или имущество; *ибо сихъ* можетъ лишить насъ болѣзнь, или непріятство людей и судьбы: тѣ же напротивъ остаются съ нами до смерти; поелику составляютъ часть насъ самихъ, и безъ сумнѣнія часть наилучшую.

Что думаютъ теперь читательницы мои о женахъ Пиѳагорова училища? Онѣ конечно покажутся слишкомъ странны, и не могутъ быть модными женщинами нынѣшняго свѣта: не должно забыть и того обстоятельства, что всѣ онѣ жили въ *республикахъ*, коихъ законоположеніе не допускало до великаго различія званій и состояній, которое у большей части народовъ

нынѣшней Европы, столь далеко распространило предѣлы пристойнаго и приличнаго.

При всемъ томъ, не можно кажется отрицать, что мы удаляясь отъ Пиѳагорической *Софрозины*, непримѣтнымъ образомъ дошли до крайнейшей точки противной стороны, и что еще одинъ прибавленный шагъ ввергнетъ насъ въ пропасть неизбѣжной гибели.

По сему кажется должны мы будемъ обратиться

вспять: и чѣмъ ранѣе, тѣмъ лучше; къ нещастію же предлежитъ намъ чрезъ мѣру дальный путь для достиженія противуположенной крайности (естьли кто изъ имѣвшихъ довольно терпѣнія къ прочтенію до сего мѣста, назоветъ симъ именемъ нравы и образъ жизни *Ѳеаны, Мелиссы и Пезикціоны*), и притомъ такой оныя степени, на которой бы могли мы остановиться, не причиняя вреда самимъ себѣ.

Между тѣмъ, радуюсь я тому, что знаю многихъ, даже и въ числѣ знатныхъ, такихъ дѣвицъ и замужнихъ, кои столько же достойны, какъ и дочери Пиѳагора, предводительствовать хоромъ дѣвъ и женъ.

А какъ щастливый жребій мой, уже тому тридцать одинъ годъ, соединилъ меня самаго съ такою женою, которая какъ супруга и мать, и во всякомъ другомъ человѣческомъ отношеніи, можетъ быть

признана тѣми Пиѳагоровыми ученицами *сестрою своею*: то да будетъ мнѣ позволено, посвятить ей сіе небольшое сочиненіе, долженствующее пребыть торжественнымъ памятникомъ благодарности за щастіе жизни моей, коимъ одолженъ ея любви и добродѣтелямъ; *а нашимъ дочерямъ*, да послужитъ оно ободреніемъ, уподоблятся отъ часу болѣе толь совершенной матери.




1963

